

И. З. СЕРМАН

ИМПЕРАТРИЦА И ПОРУЧИК НОВИКОВ

С некоторого времени меня стало занимать несоответствие двух политических процессов: дело Радищева и дело Новикова. Жестокость приговора Новикову — 15 лет Шлиссельбурга и 10 лет Илимска Радищеву, при том, что вина Радищева была несомненна, а преступность Новикова не доказана, — вызвало у меня желание найти объяснение несоразмерности приговоров.

Возникшая у меня гипотеза предложена была для обсуждения круглому столу сотрудников Сектора XVIII века Пушкинского Дома. Моя гипотеза подверглась очень дельному и внимательному обсуждению. Все многочисленные соображения и возражения, которыми был встречен основной тезис моей гипотезы о некоторых особых причинах столь жестокого приговора по делу Новикова, были мною обдуманы, перепроверены и изложены в более или менее логичной форме. Я не настаиваю на стопроцентной убедительности моих положений, но и не убежден возражениями коллег. Думаю, что дальнейшее обсуждение этой проблемы поможет ее решению и даст возможность найти объяснение загадочному, на мой взгляд, поведению императрицы.

Интерес к Новикову и Радищеву перестал с некоторого времени занимать историков. Как пишет В. С. Ловягин, автор апологетической статьи о переписке Екатерины с Потемкиным, «на страницах книг и статей, посвященных екатерининскому времени, неподобающе видное место заняли Емельян Пугачев, Александр Радищев и Николай Новиков, оттеснив на задний план и саму императрицу, и ее сподвижников».¹ Ловягин ссылается на беседу С. Н. Глинки с сыном Радищева: «В сильной вылазке против князя Григория Александровича он представил его каким-то восточным са-трапом, роскошествующим в великолепной землянке под стенами

¹ Ловягин В. С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791. М., 1997. С. 473.

какой-то крепости. По этому случаю князь Таврический писал к Екатерине: „Я прочитал присланную мне книгу. Не сержусь. Рушеньем Очаковских стен отвечаю сочинителю. Кажется, матушка, он и на Вас возводил какой-то поклеп. Верно и Вы не понегодуете. Ваши деяния — Ваш щит“». ² Письма эти не сохранились, и потому судить о них трудно.

Возможно, что окружение Екатерины (Потемкин, Безбородко) склонно было к снисходительности по отношению к таким преступникам, как Радищев. Может быть, этим воздействием объясняется сравнительно мягкий приговор «бунтовщику хуже Пугачева», ³ как назвала Екатерина Радищева в разговоре с Храповицким. Его процесс пришелся на самое начало революции во Франции, когда Екатерина, осуждавшая политику Людовика XVI, «испытывала в тайне, особенно поначалу, нечто вроде злорадства» ⁴ и только позднее, после казни короля, она стала видеть во французской революции угрозу всей остальной Европе. Отчасти поэтому процесс Новикова происходил в более нервной обстановке, хотя никаких противоправительственных действий или заявлений не было найдено в ходе следствия, кроме утраченного письма наследника с благодарностью за присланные масонские книги. Но сопоставление двух, если можно их так назвать, «процессов» Радищева и Новикова продолжает удивлять.

Радищева судили по всему распорядку российского законодательства, и получил он 10 лет пребывания в Илимске, что, конечно, грозило ему в конечном счете смертью. Но важно, что был соблюден весь официальный порядок. С Новиковым Екатерина нарушила судебный порядок: «...хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но <...> собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однакож, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость». ⁵ В приговоре удивляет отсутствие признания его в «преступных змыслах» и одновременно убеждение императрицы в «важности» его преступлений.

Очевидна несоразмерность наказания Радищева и Новикова. «Преступление» Радищева было налицо, его не надо было добывать изощренным следствием. Он был предан суду и осужден. Никаких доказательств преступных действий Новикова найдено не было. Никаких отношений у него с «особой» (т. е. с Павлом Петровичем) не

² Там же. С. 921.

³ Каменский А. «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 404.

⁴ Там же. С. 407.

⁵ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 672.

было найдено. Чем же объясняется жестокость приговора? Создается впечатление, что Екатерина руководствовалась не государственно-деловыми соображениями, а какими-то другими, вообще ей не свойственными импульсами.

Историк А. Б. Каменский полагает, что троекратные попытки В. И. Баженова наладить контакт московских масонов с Павлом Петровичем не имели большого успеха: «Особую остроту этой и без того самой чувствительной для императрицы проблемы придавало то обстоятельство, что о контактах с Павлом Баженов докладывал Новикову, а тот в свою очередь масонским начальникам за границей, в том числе во враждебной России Пруссии: „Здесь ощущался запах заговора, то есть то, что Екатерина воспринимала особенно болезненно“». ⁶ Как справедливо замечает этот же автор, «все эти обстоятельства нужно было оградить от огласки, которая могла произойти в случае судебного разбирательства. Возможно, обстоятельства, связанные с Павлом, выявились уже в ходе следствия, и именно они определили характер и суровость наказания». ⁷

В замечательном исследовании Г. В. Вернадского показано, насколько Павел был проникнут масонскими идеями: «Сделавшись в 1783 г. гатчинским помещиком, Павел Петрович повел себя по отношению к новым своим подданным всецело по масонскому представлению о благодетельном государе. Нуждающимся крестьянам он приходил на помощь денежными ссудами и прирезкой земли. Он много заботился о лучшем устройстве полиции и пожарной части. Царевич вмешивался в экономическую жизнь своего владения, стремясь положить предел ростовщичеству торговцев и ремесленников. Для гатчинских крестьян и солдат своего войска цесаревич устроил просторный госпиталь с отдельными комнатами для заразных больных. В Гатчине была устроена бесплатная школа, в Мариенбургском сиротском доме обучались солдатские дети — рукоделиям, земледелию и садоводству». ⁸

Удивительно, насколько все это похоже на то, что осуществлял в Москве Новиков со своими сотрудниками; и неудивительно, что когда то, что удавалось Павлу Петровичу в пределах Гатчины, стало осуществляться Новиковым во второй столице империи, стало восприниматься Екатериной как опасное, так как она и без того считала Москву сборищем фрондирующего дворянства. Все, осуществленное Новиковым в Москве, вдохновленное теми же идеями, которыми руководствовался Павел, обустроивая Гатчину, благодаря своим масштабам не могло быть приемлемым для Екатерины, так как походило на государство в государстве. То, что терпимо было

⁶ Каменский А. «Под сению Екатерины». С. 399.

⁷ Там же.

⁸ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1999. С. 293.

в пределах Гатчины, стало невозможным для российского дворянства, привыкшего к относительной свободе жизни и деятельности при Екатерине. Именно эту, как казалось Павлу, не свободу, а разнузданность он хотел вдвинуть в рамки масонского учения о государе и государстве. По первым впечатлениям «сразу стало ясно, символами нового царствования будут *порядок* и *справедливость*. Было очевидно — император ищет дела и хочет собственными руками, подобно Петру Первому, обустроить государство, которое Господь ему предназначил».⁹ Это сказано точно, но не понятно, что «обустроить» государство Павел предполагал следуя учению масонов, разработавших свою систему государственного управления. Сам дух масонства требовал «устроить щастие соотечественников», «воспламениться ко благу государственному» и «созидать благо общественное». В утопическом сочинении М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» все процветание идеального масонского царства держится на тщательном наблюдении за добронравием жителей. Офирская полиция неослабно следит за недочетами морали: «Каждый разврат нравов, яко явное непочтение к родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь — унимается благочинными [начальниками полиции]».¹⁰

«Самый образ жизни его [Павла. — *И. С.*], — писал один из современников, — долженствовал также много способствовать к соделанию нрава его суровым и мрачным: он вставал рано и в шесть утра садился уже выслушивать доклады, в которые помещаемы были подробные донесения о болезнях, смертях, убийствах, злонамерениях и всяких несчастиях или преступлениях, в том или другом месте толь обширного государства случившихся. Ежедневные или, по крайней мере, частые, тотчас по пробуждении от сна, выслушивания сих обстоятельств, без сомнения, возмущали в нем дух и располагали чувства его к угрюмости и гневу. После докладов, с сими мрачными мыслями, обыкновенно спешил он на вахт-парад обучать офицеров и солдат, где, как в это время, так и в остальные часы дня, все приказы и действия его отзывались сими утренними впечатлениями. Везде казались ему измены, непослушания, неуважения к царскому сану и тому подобные мечты, предававшие его в руки тех, которые были для него опаснее, но хитрее других».¹¹

Павел не мог и не хотел объяснить своим подданным масонскую суть того порядка, который он хотел установить на Руси. То, что он устанавливал как цесаревич в Гатчине, Екатерина считала безвредным, хотя и посмеивалась над его причудами. Но действия Новикова и его сотрудников в Москве возбудили у нее сильные

⁹ Песков А. М. Павел I. М., 1999. С. 93.

¹⁰ Вернадский Г. В. Русское масонство. С. 231.

¹¹ Цит. по: Песков А. М. Павел I. С. 71—72.

подозрения, хотя найти повод их прекратить было трудно. Особое внимание Екатерины вызвала предпринятая Новиковым помощь голодающему крестьянству Московской губернии в 1787 г., в то время, когда государство никакой помощи голодающим не оказывало, а императрица наслаждалась триумфальной поездкой в Новороссию. Считая, что он делал общепольное дело, Новиков подробно рассказал на следствии, отвечая на особый вопрос Екатерины, следующее: «Всем известный голодный 1787 год был причиной сего одолжения (50 000 рублей, полученных от Г. М. Походяшина. — И. С.). Распространившиеся общие о сем слухи и ежедневно возрастающие и до непомерной дороговизны возвысившиеся в Москве на хлеб цены, также и полученное мною из деревни нашей уведомление, что все крестьяне *имеют* великий недостаток в хлебе, заставили меня в начале зимы поехать в деревню, чтобы успеть какое-нибудь сделать распоряжение заблаговременно <...>. Быв в первый раз еще в жизни моей поражен ужасною картиною голода, был я чрезвычайно сильно тем тронут натурально, что и рассказывал я случившимся у меня приятелем».¹²

Рассказ Новикова как очевидца так подействовал на Походяшина, что он пожертвовал Новикову 5000 рублей. Новиков пишет, что «столь редкая доброта сердца исполнила меня на всю жизнь мою к нему искренним сердечным почтением и любовью».¹³

Не вмешиваясь в дела гатчинского владельца, с Новиковым Екатерина решила расправиться, хотя и долго не решалась начать следствие и процесс. Как известно из предания, она говорила, что легче ей справиться со шведами и турками, чем с поручиком Новиковым. Если это сообщение не вполне достоверно, то во всяком случае оно свидетельствует о какой-то нерешительности, вообще для Екатерины не характерной. Я предполагаю, что «суровость наказания» была обусловлена еще одним обстоятельством, которое опускают все, писавшие о процессе Новикова. В ходе этого дела столкнулись два характера, между которыми было невозможно взаимопонимание. Радищева Екатерина поняла по-своему, найдя у него корыстные побуждения. В данном случае неважно, была она права или нет. Важно, что Екатерина для себя удовлетворительно объяснила книгу Радищева его недовольством своей служебной карьерой. Новикова ей понять было труднее: она его считала «умным и опасным человеком». Чем же он был опасен?

Сохранился более или менее правдоподобный разговор Екатерины с В. С. Поповым, ближайшим сотрудником Потемкина: «Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ея повсюду была исполняема, и о том усердии и ревности, с которым все старались ей угождать. „Это не так легко, как ты думаешь, — из-

¹² Материалы о преследовании Новикова. С. 664—665.

¹³ Там же. С. 666.

волила она сказать. — Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению; ты сам знаешь, с какой осмотрительностью, с какой осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведывая мысли просвещенной части народа, и потому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уже наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повинованием. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляла о следствиях...»¹⁴

В журнале, который Екатерина инспирировала в 1769 г., «она преподнесла читателям свою концепцию преобразований, построенную на житейской философии, что никто не без слабостей, един Бог совершенен и никому из смертных не дано права судить ближнего; нужно иметь человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям».¹⁵

Такая всепрощающая снисходительность получила поэтическое развитие в «Фелице»:

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного.
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их...¹⁶

Понять поведение Новикова, его бескорыстную деятельность Екатерина со своим холодным и расчетливым умом не могла. Отсюда появление в следственном деле вопроса, ответ на который сама Екатерина очевидно предвидела: «Вопрос 36. Из положений ваших видно, чтобы в вашем сборище делать золото, то и открыть вам, кто в оном ремесле употреблены были, делано ли золото, буде сделано, то сколько всего и куда употребляли или же сыскан ли химиками вашими философический камень и кто также о сем заботился?»¹⁷ Не получив удовлетворительного ответа на этот вопрос и не настаивая на его варьировании, Екатерина не могла не обвинить Новикова в указе от 1 августа 1792 г. в «корыстолюбии», хотя оно никак не было доказано.

¹⁴ Каменский А. «Под сению Екатерины». С. 413.

¹⁵ Степанов В. П. Новиков и Чулков. (Литературные взаимоотношения) // XVIII век. Сб. 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 55—56.

¹⁶ Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 77.

¹⁷ Материалы о преследовании Новикова. С. 650.

После смерти Н. И. Панина московские масоны хотели добиться взаимопонимания с Павлом Петровичем. Для этой конспиративной цели был определен архитектор Баженов, у которого были свои дела в Петербурге и давние личные отношения с Павлом Петровичем. Как показал Вернадский, в книгах, которые Баженов должен был вручить Павлу Петровичу, содержалась суть масонской государственной утопии: «Читая полученное через Баженова „Краткое извлечение христианского учения из послания св. апостола Павла к колоссяам“, Павел мог узнать, что грядущее правление истинного Царя будет „весьма великим“ и „весьма блаженным“ царством, что будущий „Царь сего великого и блаженного царства“ — „такая особа, которая не имеет себе равного; она двух натур“: „Божеского начала“ и „человеческого происхождения“ <...>. Цесаревич узнавал из слов апостола, что, чтобы „доказать себя достойным избрания“ <...> ему надо только преодолеть искушения ложных учителей и ненависть и презрение от всех <...> мыслящих инаково».

Во время коронации 5 апреля 1797 г. «Павел Петрович объявил себя главою церкви и при коронации, прежде чем облечься в порфиру, приказал возложить на себя долматик — одну из царских одежд византийских императоров <...> но святые тайны в алтаре принял из рук священнослужителя, а не сам лично, вопреки распространенным тогда слухам».¹⁸ И это еще не все: «Павел I специально приурочил свой въезд в Москву на коронацию к Вербной субботе — светлому Воскресению <...>. Тем самым Павел приравнивает свое вступление в Москву вступлению Христа в Иерусалим в качестве Мессии, Царя и Искупителя, а свою коронацию — к окончательному прославлению Христа, воцарившегося и искупившего человечество».¹⁹ Откуда могли возникнуть у Павла такие аналогии?

Всякое, даже мнимое, неуважение к нему или неподчинение его приказам Павел воспринимал как нарушение должного почтения ему как главе Православной церкви. Все в России должно было строго подчиняться церковному распорядку и царскому распоряжению. Все, что стало почвой для анекдотов от недовольных павловскими «порядками», возникало не произвольно, а согласно масонскому учению. В книге «Истина религии» так писалось о мундире для всех: «Должно неотменно уже в некоторых местах начатое учреждение одежды сделать таким образом, чтоб каждое обоего пола состояние имело особенный свой пристойный мундир как буднешний, так и праздничный, по примеру военных людей, отдавая оной на вкус каждому месту, и чтоб оное, несмотря на лице, строго наблюдаемо было <...>. Ежели б правило сие было всеобщее, коликих бы избавилось тогда человечество забот, зависти

¹⁸ Песков А. М. Павел I. С. 45.

¹⁹ Там же.

и презрения!»²⁰ Эта идея поголовного обмундирования оказалась неосуществимой, но манящей, как видно из запретительных мер, в особенности против жилетов.

Новикова из Шлиссельбурга Павел освободил, но вернуть ему прежнее финансовое положение не мог и, вернее, не хотел. Ему не нужен был столь независимый деятель. Да и при Александре Новиков казался подозрительным. Екатерининская опала продолжала действовать!

²⁰ *Вернадский Г. В.* Русское масонство. С. 243.